

Артур Конан Дойл. Черный доктор

Бишоп Кроссинг - деревушка, лежащая в десяти милях к юго-западу от Ливерпуля. В начале семидесятых годов здесь поселился врач, которого звали Алоиз Лана. В деревне ничего не знали ни о его прошлом, ни о причинах, побудивших его переехать в этот затерянный уголок Ланкашира. О нем было известно только две вещи: первое - что он получил медицинский диплом с отличием в Глазго; второе - что он, без сомнения, принадлежал южной расе. Кожа его была очень темной, и он наверняка имел примесь индусской крови. Однако в его внешности преобладали европейские черты; он отличался хорошими манерами и умением держаться в обществе, это вызывало предположение, что в его жилах была и капля испанской крови. Смуглая кожа, волосы цвета воронова крыла, темные глаза, сверкающие из-под густых бровей - все это резко контрастировало с соломенными волосами и грубоватыми манерами местных жителей. Нового врача вскоре прозвали "Черным доктором из Бишоп Кроссинга". В начале это звучало пренебрежительно и с насмешкой, но шли годы, и это прозвище стали произносить как почетный титул. Вся округа знала доктора, и слава о нем разнеслась далеко за пределы деревни.

Новый доктор оказался способным хирургом и прекрасным врачом. До его приезда в этом местечке практиковал Эдвард Рау, сын сэра Вильяма Рау, ливерпульского консультанта. Однако он не унаследовал таланта отца, и доктор Лана, благодаря своей внешности и учтивым манерам, скоро потеснил своего конкурента. Он быстро добился успеха и в обществе. После успешной операции достопочтенного Джеймса Лаури, второго сына лорда Бельтона, он был представлен своим пациентом местному светскому обществу. Скоро, благодаря хорошим манерам и умению вести беседу, он повсюду стал желанным гостем. Иногда отсутствие родственников и груза прошлого скорее помогает, чем мешает в продвижении по социальной лестнице. Так, незаурядность личности доктора, его внешность и обаяние служили лучшей рекомендацией. Его пациенты находили в нем один - всего один! - недостаток. Он казался убежденным холостяком. Это было особенно удивительно и потому, что он

занимал большой дом и всем было ясно, что его успешная практика давала возможность скопить значительное состояние. Вначале местные свахи строили планы насчет той или иной барышни. Но шли годы, а доктор Лана оставался холостяком, и все поняли, что по какой-то причине он избегал женитьбы. Злые языки утверждали, что он уже был женат, и дабы избежать последствий неравного брака и решил похоронить себя в Бишоп Кроссинге. И вдруг, когда свахи уже в отчаянье отвернулись от него, объявили о его помолвке с мисс Фрэнсис Мортон из Лей Холла.

Мисс Мортон была молодой леди, хорошо известной в округе. Ее отец, Джеймс Холден Мортон, владел большими землями в Бишоп Кроссинге. Однако к этому времени родители ее умерли, и она жила с единственным братом Артуром Мортоном, наследником поместья. Мисс Мортон выделялась высоким ростом и держалась с достоинством. Это была натура живая и порывистая, с сильным характером. Она познакомилась с доктором Лана на приеме, который устраивали для гостей в саду. Между ними вспыхнула дружба, которая быстро переросла в любовь. Ничто не могло сравниться с их преданностью друг другу. Правда, между ними была разница в возрасте: ему - тридцать семь, а ей - двадцать четыре; но, кроме этого, не было никаких препятствий для их брака. Помолвка состоялась в феврале, а свадьбу было решено сыграть в августе.

Третьего июня доктор Лана получил письмо из-за границы. В маленькой деревушке начальник почтового отделения является и начальником отделения сплетен; и мистер Бэнки из Бишоп Кроссинга мог бы многое порассказать про секреты своих соседей. Об этом письме он сообщил следующее: конверт выглядел странно, был надписан мужским почерком, письмо отправлено из Буэнос-Айреса, на нем была аргентинская марка. Насколько ему известно, это было первое письмо доктору Лана из-за границы; вот почему он так внимательно рассмотрел его, прежде чем вручить почтальону. Вечером того же дня его доставили доктору Лана.

На следующее утро - то есть четвертого июня - доктор Лана навестил, мисс Мортон и долго говорил с ней. Было замечено, что он вернулся домой очень взволнованный. Мисс Мортон весь день провела в своей комнате;

служанка несколько раз заставляла ее в слезах. Через неделю в деревне только и говорили, что о разрыве помолвки. Поговаривали, что доктор Лана недостойно обошелся с молодой леди, и Артур Мортон, ее брат, грозился отхлестать его плеткой. В чем именно проявилось недостойное отношение доктора, было неизвестно. Многие ломали голову, выдвигая те или иные соображения. Доктор Лана часами бродил вокруг Лей-Холла, не пытаясь войти в дом. Это было всеми замечено и воспринято как доказательство того, что совесть его неспокойна. Он перестал посещать воскресную службу, где мог встретить молодую леди. В журнале "Ланцет" появилось объявление о продаже практики, и, хотя не называлось никаких имен, многие посчитали, что речь идет о Бишоп Кроссинге, и доктор Лана собирается уехать из деревушки, где пользовался почетом и уважением. Таково было положение дел, когда вечером в понедельник, 21 июня, произошли события, которые превратили простой деревенский скандал в трагедию и приковали к себе внимание всей Англии. Но сначала нужно рассказать о некоторых деталях, ибо они очень важны, чтобы понять все события того вечера.

В доме доктора, кроме него жили всего два человека: почтенная экономка по имени Марта Вудз и молодая служанка - Мери Поллинт. Кучер и мальчик, помогавший при операциях, ночевали у себя дома. Вечерами доктор работал у себя в кабинете, который располагался в боковом крыле дома, рядом с приемной. Кабинет этот находился довольно далеко от комнат прислуги. Для удобства пациентов в этой стороне дома был свой вход, поэтому доктор мог сам впускать посетителей, и об этом никто не знал. И действительно, нередко больным, которые приходили поздно, открывал сам доктор: служанка и экономка обычно ложились рано.

В ту ночь Марта Вудз зашла в кабинет доктора в половине десятого и застала его за письменным столом. Она пожелала ему спокойной ночи, отправила служанку спать и до 22.45 занималась домашними делами. Когда она отправилась к себе, часы пробили одиннадцать. Она провела в комнате минут пятнадцать - двадцать, когда раздался страшный вопль. Она подождала некоторое время, но все было тихо. Очень обеспокоенная, ибо крик был громкий и резкий, она набросила халат и поспешила в кабинет доктора.

- Кто там? - раздался резкий голос, когда она забарабанила в дверь.

- Это я, сэр, миссис Вудз.

- Умоляю, оставьте меня в покое! Отправляйтесь к себе! - закричал голос, который - она была в этом уверена - принадлежал ее хозяину. Но сказано это было так грубо, и так непохоже на обычную манеру доктора, что она очень удивилась и обиделась.

- Я подумала, вы звали меня, сэр, - попыталась она объяснить, но ответа не последовало. Миссис Вудз с обидой отправилась в свою комнату, по дороге взглянула на часы. Было половина двенадцатого.

В промежутки между одиннадцатью и двенадцатью (она не могла точно назвать время) к доктору пришла пациентка. Она стучала в дверь, но ответа не последовало. Эта поздняя пациентка была миссис Мэддинг, жена деревенского бакалейщика, больного тяжелой формой тифа. Накануне доктор Лана просил ее зайти вечером и сказать как себя чувствует больной. Она увидела свет в кабинете, но, постучав в дверь, ведущую в эту часть дома, и не дождавшись ответа, решила, что доктора вызвали к больному, поэтому она отправилась домой.

От дома к дороге вела небольшая извилистая аллея, в конце которой горел фонарь. Когда миссис Мэддинг вышла из ворот, она заметила мужчину, шедшего по дорожке. Думая, что это доктор, возвращавшийся после визита к больному, она решила подождать и очень удивилась, увидев Артура Мортон, молодого сквайра. При свете фонаря она заметила, что он очень возбужден, а в руке сжимает большой охотничий хлыст. Он направлялся к воротам, когда она обратилась к нему.

- Доктора нет дома, сэр, - сказала она.

- А вы откуда знаете? - грубо спросил он.

- Я была у входа в приемную.

- Но свет у него горит, - промолвил молодой сквайр, взглядываясь в темноту. - Это ведь его кабинет, верно?

- Да, сэр, но я уверена, доктора нет дома.

- Ну, что ж, скоро вернется, - сказал молодой Мортон и направился через ворота, а миссис Мэддинг поспешила домой.

В три часа утра ее муж вновь сочувствовал себя плохо, и она была так встревожена, что решила безотлагательно вызвать доктора. Когда она проходила через ворота, то с удивлением заметила, как кто-то прятался в лавровых кустах. Это был, без сомнения, мужчина и - в этом она была совершенно уверена - не кто иной, как Артур Мортон. Однако ее столь занимали собственные дела, что она не обратила на это особого внимания и поспешила дальше.

Подойдя к дому, она с удивлением убедилась, что в кабинете все еще горит свет. Миссис Мэддинг принялась стучать в дверь, ведущую в приемную. Ответа не было. Она стучала несколько раз, но безрезультатно. Ей показалось странным, что доктор мог лечь спать или выйти из дома, оставив такой яркий свет. Миссис Мэддинг пришло в голову, что, может быть, он просто уснул в кресле. Она принялась барабанить в окно кабинета, но тоже без результата. Обнаружив между занавеской и оконной рамой щелку, она заглянула внутрь.

Большая лампа на столе освещала всю комнату. Стол был завален книгами и инструментами. Никого не было видно, и она не заметила ничего необычного, за исключением того, что в тени стола на ковре лежала грязная белая перчатка. Затем внезапно, по мере того, как ее глаза привыкали к свету, она увидела ботинок. Тогда она с ужасом поняла: то, что она вначале приняла за перчатку, было рукой человека, распростертого на полу.

Понимая, что произошло нечто ужасное, она принялась изо всех сил звонить в парадную дверь и подняла на ноги экономку, миссис Вудз. Обе женщины отправились в кабинет доктора, предварительно послав служанку в полицию.

Наискось от окна, возле стола, нашли мертвого доктора Лана. Он лежал распростертый на спине. Налицо были признаки насильственной смерти: один глаз подбит, на лице и шее видны следы кровоподтеков. Черты лица исказились и казались крупнее обычного. Это заставило предположить, что смерть наступила от удушья. На докторе была одежда, в которой он принимал больных, на ногах - матерчатые тапочки, подошвы которых оказались совершенно чистыми. На ковре, особенно со стороны двери, были следы

грязных башмаков, вероятно, оставленных убийцей. Очевидно, кто-то вошел через дверь, ведущую в приемную, убил доктора и вышел из дома незамеченным. Убийцей был мужчина, это было ясно по размеру обуви и по характеру повреждений на теле покойного. Но дальше полиция зашла в тупик.

Не было обнаружено никаких следов кражи; даже золотые часы доктора лежали в кармане. В кабинете стоял тяжелый сейф, где доктор держал деньги. Он оказался запертым, по внутри не было ни пенса. Миссис Вудз полагала, что там обычно лежала крупная сумма, однако в тот самый день доктор оплатил наличными большой счет за зерно. Полагали, что именно поэтому, а не из-за грабителей, сейф и оказался пуст. В комнате не хватало одной вещи, и это отсутствие наводило на некоторые размышления. Портрет мисс Мортон, который всегда стоял на столике сбоку, был вынут из рамки и исчез. Миссис Вудз видела его вечером, когда заходила к хозяину, а теперь он исчез. На полу нашли зеленую повязку на глаз, которую экономка раньше не видела. Но такая повязка могла храниться и у доктора, следовательно, не было ничего, что указывало бы на связь с преступлением.

Все подозрения сводились к одному, и Артур Мортон, молодой сквайр, был немедленно арестован. Против него были только косвенные улики, но довольно серьезные. Он был очень предан своей сестре, и многие утверждали, что после разрыва между ней и доктором Лана, он неоднократно грозился отомстить ее бывшему возлюбленному.

Было установлено, что его видели около одиннадцати вечера с охотничьим хлыстом в руке. Он направлялся по аллее к дому доктора. Полиция сделала вывод, что он ворвался в кабинет доктора, и именно в это время миссис Вудз услышала крик - кричали то ли от страха, то ли от гнева. Когда появилась миссис Вудз, доктор Лана, видимо, решил переговорить со своим посетителем и поэтому велел экономке идти к себе. Разговор продолжался долго, он становился все более и более напряженным и кончился дракой, в результате которой доктор Лана лишился жизни. Вскрытие, однако, показало, что у доктора было больное сердце - об этом никто даже не подозревал, пока он был жив. Врачи полагали, что смерть в этом случае могла бы произойти и от ран, которые для здорового человека не были смертельны. Затем Артур

Мортон вынул из рамки фотографию сестры и отправился домой. Но по дороге он заметил миссис Мэддинг и спрятался в кустах. Такова была версия, выдвинутая обвинением, и улики выглядели достаточно вескими.

С другой стороны, и у защиты были достаточно серьезные аргументы. Мортон слыл подвижным и легко возбудимым человеком, как и сестра, но его уважали и любили все в округе, и казалось, что его открытая и честная натура не способна на такие поступки. Сам он объяснял происшедшее следующим образом. Он хотел переговорить с доктором Лана о неотложных семейных делах (заметим, что он отказался упоминать имя своей сестры). Обвиняемый не отрицал, что этот разговор, возможно, был бы неприятным. По дороге он встретил пациентку доктора Лана и узнал, что доктора нет дома. Он ждал его возвращения до трех утра. Но так как доктора все не было, ему пришлось отказаться от своего намерения и вернуться домой. Что касается обстоятельств смерти доктора, то ему об этом известно не больше, чем констеблю, который его арестовал. Раньше он был близким другом убитого, но по некоторым обстоятельствам, о которых он предпочитает не говорить, его чувства изменились.

Несколько фактов говорили в пользу его невиновности. Так, было установлено, что в половине двенадцатого доктор Лана еще был жив и находился в своем кабинете. Миссис Вудз была готова поклясться, что именно в это время она слышала голос доктора. Друзья обвиняемого утверждали, что, возможно, в это время доктор Лана был уже не один. Крик, который привлек внимание экономки, странное поведение ее хозяина, его нетерпеливое желание, чтобы его оставили в покое, - казалось, все указывало на это. Если так, то представлялось вполне вероятным, что смерть наступила в промежуток между той минутой, когда экономка услышала крик и тем временем, когда миссис Мэддинг пришла к дому доктора в первый раз и не смогла достучаться до него. Но если именно в это время он умер, то было совершенно ясно, что мистер Мортон никак не причастен к его смерти, поскольку миссис Мэддинг встретила молодого сквайра позже.

Если эта гипотеза верна и какой-то человек был с доктором Лана до того времени, как миссис Мэддинг встретила мистера Артура Мортон, то кто

же был этот некто и какие мотивы были у него желать зла доктору? Все признавали, что, если бы друзья обвиняемого могли пролить свет на это дело, они бы во многом помогли установлению его невиновности. Но с течением времени обыватели стали поговаривать, что не было никаких доказательств того, что кто-то вообще был в доме доктора, кроме молодого сквайра. Хотя, с другой стороны, многочисленные свидетельства указывали, что мотивом его прихода были отнюдь не добрые побуждения. В то время, когда появилась миссис Мэддинг, доктор, возможно, вышел из дома. Он мог вернуться позже и встретиться с ожидавшим его Артуром Мортонем. Некоторые из сторонников обвиняемого придавали большое значение тому факту, что фотографию его сестры Фрэнсис, исчезнувшую из комнаты доктора, не обнаружили среди вещей мистера Мортоня. Этот аргумент, однако, не очень принимали во внимание, поскольку у обвиняемого было достаточно времени до ареста, чтобы сжечь фотографию или уничтожить ее другим способом. Что касается единственных реальных улик в этом деле - речь идет о грязных следах на полу, - то они были настолько расплывчатыми на мягком ковре и стали такими нечеткими, что сделать какие-то серьезные выводы оказалось просто невозможно. По виду их вполне мог оставить обвиняемый; далее доказывалось, что его башмаки после ночи тоже были грязными. Однако в тот вечер лил сильный дождь, и башмаки всех жителей деревни, возможно, находились в подобном плачевном состоянии.

Такова неприкрашенная правда об этой череде уникальных романтических событий, что привлекли внимание всего Ланкашира. Неизвестное происхождение доктора, его странная, необычная личность; высокое положение человека, который обвинялся в убийстве; любовная история, предшествующая убийству, - все это сплелось в один клубок и превратило дело в одну из тех драматических историй, которые приковывают внимание всей нации. По всем трем графствам только и говорили, что о деле "Черного доктора" из Бишоп Кроссинга. Чтобы объяснить известные факты, выдвигалось множество версий. Но можно с уверенностью сказать, что среди них не было ни одной, предсказавшей тот неожиданный поворот событий, который вызвал столько толков в первый день суда и достиг своего апогея во второй. Сейчас, когда

я пишу эти строки, передо мной лежат подшивки "Ланкастер Уикли" с подробными отчетами. Однако я вынужден ограничить себя лишь кратким обзором событий первого дня заседаний суда до того момента, когда выступила мисс Фрэнсис, и ее показания пролили свет на это запутанное дело.

Мистер Порлок Карр, главный обвинитель, с присущей ему скрупулезностью выстроил все известные факты. По мере того, как заканчивался первый день слушания дела, становилось ясно, какая трудная задача лежала перед мистером Хамфри, защитником обвиняемого. К присяге привели несколько свидетелей. Они поклялись, что слышали, как обвиняемый весьма несдержанно отзывался о докторе. Они упоминали и о ярости, с которой молодой человек говорил о "плохом" отношении доктора к его сестре.

Миссис Мэддинг повторила свои свидетельские показания, рассказав, как поздно вечером встретила обвиняемого неподалеку от дома доктора. Другой свидетель показал, что обвиняемый знал о привычке доктора вечерами сидеть в одиночестве в своем кабинете, расположенном в дальнем крыле дома. Именно поэтому, считал свидетель, обвиняемый выбрал поздний час: ведь тогда жертва была целиком в его власти. Слуга из дома сквайра признался, что слышал, как около трех часов утра вернулся его хозяин. Это подтвердило показания миссис Мэддинг, которая считала, что видела в кустах именно мистера Мортон во время своего второго посещения дома доктора. Подробно разбирался вопрос о грязных башмаках и о сходстве отпечатков следов. Чувствовалось, что обвинение достаточно потрудились и, несмотря на случайность улики, само дело выглядело таким законченным и убедительным, что судьба под судимого, казалось, была окончательно решена - разве что защите удалось бы открыть что-то неожиданное. Было три часа, когда кончились выступления представителей обвинения. В половине пятого, когда суд вновь собрался после перерыва, произошло нечто непредвиденное. Я цитирую рассказ об этом событии по журналу, о котором уже упоминал, опустив описание здания муниципалитета.

"Когда в переполненном здании суда защита вызвала в качестве свидетеля мисс Фрэнсис Мортон, сестру обвиняемого, это произвело настоящую

сенсацию. Наши читатели помнят, что молодая леди была помолвлена с доктором Лана, а внезапный разрыв помолвки вызвал гнев ее брата и привел к преступлению. Мисс Мортон, однако, никоим образом не была замешана в этом деле, и ее имя не фигурировало ни на следствии, ни на судебном процессе, и поэтому ее появление в качестве главного свидетеля было неожиданным.

Мисс Фрэнсис Мортон, высокая красивая брюнетка, давала свои показания тихо, но отчетливо. Было заметно, что она очень волнуется. Она упомянула о своей помолвке с доктором и о ее разрыве. Это произошло, как она сказала, по личным мотивам, связанным с семьей доктора. Она вызвала всеобщее удивление, заявив, что всегда считала возмущение брата нелепым и несдержанным. На вопрос судьи она ответила прямо, что не таит против доктора Лана никакой обиды, и, с ее точки зрения, он вел себя безупречно. Ее брат, не зная всех фактов, встал на другую точку зрения, и она вынуждена признать, что, несмотря на все ее мольбы, он действительно угрожал доктору, а в тот вечер, когда произошла трагедия, грозился "расквитаться с ним". Она сделала все возможное, чтобы успокоить его, но он очень упрям, когда дело касается его чувств или убеждений.

До этого места показания молодой леди, казалось, говорили скорее против обвиняемого, чем в его пользу. Вопрос адвоката, однако, осветил это дело с другой стороны и показал совершенно неожиданную линию, которой решила придерживаться защита.

М-р Хамфри: Вы верите, что ваш брат мог совершить это преступление?

Судья: Я протестую, мистер Хамфри. Мы собрались сюда обсуждать факты, а не мнения.

М-р Хамфри: Вы утверждаете, что ваш брат не виновен в смерти Лана?

Мисс Мортон: Да, я это знаю.

М-р Хамфри: Откуда вам это известно?

Мисс Мортон: Потому, что доктор Лана жив.

Публика заволновалась, и допрос свидетеля пришлось на время прервать.

М-р Хамфри: Почему вы утверждаете, что доктор Лана жив?

Мисс Мортон: Потому, что я получила от него письмо, написанное после его так называемой смерти.

М-р Хамфри: Это письмо у вас с собой?

Мисс Мортон: Да, но я бы предпочла не показывать его.

М-р Хамфри: А конверт цел?

Мисс Мортон: Да, вот он.

М-р Хамфри: Какой штемпель на конверте?

Мисс Мортон: Ливерпуль.

М-р Хамфри: А дата?

Мисс Мортон: 22 июня.

М-р Хамфри: Значит, следующий день после так называемой смерти. Вы готовы поклясться, что это его почерк, мисс Мортон?

Мисс Мортон: Конечно.

М-р Хамфри: Я вызвал шесть других свидетелей, ваша честь, которые подтвердят, что это почерк доктора Лана.

Судья: В таком случае, пригласите их завтра.

М-р Порлок Карр (главный обвинитель): Тем временем, ваша честь, мы требуем представить этот документ нам, чтобы можно было собрать доказательства того, что мы имеем дело с подделкой почерка джентльмена, которого все с уверенностью считают покойным. Нет необходимости указывать уважаемому суду, что эта столь неожиданно возникшая версия может быть очевидной уловкой друзей обвиняемого, дабы сбить следствие с толку. Я бы привлек ваше внимание и к тому факту, что молодая леди, по ее собственному признанию, вероятно, уже имела это письмо во время предварительного судебного разбирательства в полиции. И сейчас она хочет заставить нас поверить, что предоставила делу идти своим чередом, хотя у нее в кармане было доказательство, способное в одну минуту положить конец всем обвинениям.

М-р Хамфри: Мисс Мортон, можете ли вы объяснить это?

Мисс Мортон: Доктор Лана хотел, чтобы его секрет оставался в тайне.

М-р Порлок Карр: Тогда зачем вы раскрыли его?

Мисс Мортон: Чтобы спасти моего брата.

По залу прокатился шепот, явно выражающий симпатию, но судья быстро навел тишину.

Судья: Как мне представляется, линия защиты теперь зависит от того, сможете ли вы, мистер Хамфри, сказать нам достаточно ясно, кто же этот человек, чей труп все друзья и пациенты признали телом доктора Лана.

Присяжный: А кто-нибудь выражал на этот счет сомнения?

М-р Порлок Карр: Насколько мне известно, нет.

М-р Хамфри: Мы надеемся внести необходимую ясность.

Судья: Итак, заседание суда откладывается до завтра.

Такой новый поворот дела возбудил всеобщий интерес. Пресса пока воздерживалась от комментариев, т.к. судебный процесс еще не кончился. Повсюду обсуждали, насколько правдивы слова мисс Мортон, и не пустила ли она в ход уловку, чтобы спасти брата. Было ясно, что если, по какому-то чрезвычайному стечению обстоятельств доктор Лана жив, он должен нести ответственность за смерть того неизвестного, так похожего на него, которого нашли у него в кабинете. В письме, которое мисс Мортон отказалась показать, возможно, содержалось признание. Вероятно, сама мисс Мортон находилась в ужасном положении: спасти брата от виселицы она могла только принеся в жертву возлюбленного.

На следующее утро здание суда было набито до отказа. В зале заволновались, когда появился мистер Хамфри. Было заметно, что он находился в приподнятом настроении, это пробивалось даже через его обычную броню сдержанности. Он быстро сказал несколько слов представителям обвинения - всего пару слов, вызвавших глубокое изумление на лице мистера Порлока Карра. Затем главный защитник, обращаясь к судье, объявил, что, с согласия обвинения, молодая леди, которая давала показания на прошлом заседании, сегодня не будет присутствовать на суде.

Судья: Позволю заметить, дело принимает весьма не благоприятный для защиты оборот.

М-р Хамфри: Возможно, ваша честь, наш следующий свидетель несколько прояснит положение дел.

Судья: Что ж, вызовите следующего свидетеля.

М-р Хамфри: Я приглашаю в зал доктора Алоиза Лана.

Маститому адвокату за свою жизнь довелось произносить немало речей,

но, вероятно, никогда ему не удавалось произвести такой сенсации всего одной фразой. И судьи, и зрители были просто ошеломлены, когда человек, чья судьба столь долго была предметом жаркого спора, предстал перед ними собственной персоной для дачи свидетельских показаний. Те из зрителей, кто хорошо знал доктора, сразу заметили, как он похудел и осунулся, лицо его прорезали глубокие морщины. Но, несмотря на то, что выглядел он неважно, многие утверждали, что впервые встречали такого незаурядного человека. Поклонившись судье, он попросил разрешения сделать заявление. Как и положено, его предупредили, что все, сказанное им, может быть использовано против него. Он вновь поклонился и продолжал.

- Мое желание, - начал он, - не скрывать ничего и рассказать совершенно искренне обо всем, что произошло 21 июня. Если бы я знал, что пострадает невинный человек, и я доставлю столько хлопот тем, кого люблю больше всего на свете, я пришел бы давным-давно. Но были причины, по которым известия об этих событиях не доходили до меня. Да, я хотел, чтобы несчастный человек мог бы навсегда исчезнуть из мира, где его все знали, но я никак не предвидел, что мои действия повлияют на других людей. Позвольте мне, насколько это в моих силах, исправить то зло, которое я совершил.

Для человека, знакомого с историей Аргентинской республики, имя Лана хорошо известно. Мой отец родом из старинной испанской семьи, откуда вышли многие видные государственные деятели. Он наверняка стал бы президентом, если бы не погиб во время мятежа в Сан Хуане. Передо мной и моим братом-близнецом Эрнестом открывалось блестящее будущее, если бы не финансовый крах, в результате которого нам пришлось думать, как самим зарабатывать на жизнь. Прошу прощения, сэр, если эти детали кажутся вам неуместными, но я вынужден сделать это вступление, чтобы вы смогли лучше понять все остальное.

Как я уже сказал, у меня был брат-близнец по имени Эрнест, так похожий на меня, что когда мы были вместе, люди не могли различить нас. С годами сходство становилось меньше, потому что лица наши приобретали разные выражения, но, когда мы были спокойны, различить нас оказывалось

очень сложно.

Не пристало дурно говорить о мертвых, да еще о собственном брате. Пусть об этом говорят те, кто лучше узнал его. Замечу только, что в юности я испытывал перед ним ужас, и имел все основания питать к нему отвращение. От его поступков страдала и моя репутация, так как многое приписывали мне; виной тому - наше сходство. После одного особо постыдного дела весь позор пал на меня, и я вынужден был навсегда покинуть Аргентину и искать счастья в Европе.

Несмотря на тоску по родине, я был счастлив, что освободился от его ненавистного присутствия. У меня хватало денег, и я занялся изучением медицины в Глазго, а затем обосновался в Бишоп Кроссинге и занялся практикой. Я был уверен, что никогда не услышу о нем в этой заброшенной ланкаширской деревушке.

В течение нескольких лет так и было, но он все же сумел разыскать меня. Один ливерпулец, который посетил Буэнос-Айрес, навел его на мой след. Брат мой уже потерял все свое состояние и теперь рассчитывал пополнить свои доходы за мой счет. Зная, как я боюсь его, он верно рассчитывал, что я захочу любой ценой откупиться от него. И вот я получил письмо, в котором он сообщал, что скоро приедет. Для меня это был полный крах, крушение всех надежд - ведь его приезд мог вызвать массу неприятностей и даже навлечь позор на тех, кого я больше всего пытался оградить, и защитить. Я принял меры, чтобы любой удар мог обрушиться только на меня. Именно это, - здесь он повернулся в сторону обвиняемого, - повторяю, именно это и было причиной моего поведения, о котором стали судить столь поспешно. Моим единственным стремлением было оградить дорогих мне людей от возможного скандала и позора, ибо с приездом брата для меня все началось бы сначала.

Однажды ночью мой брат заявился сам. Было уже поздно, слуги ушли спать, а я сидел в своем кабинете, как вдруг услышал шорох гравия на дорожке. Спустя минуту я увидел его: он пристально смотрел на меня через окно. Его лицо, как и мое, было гладко выбрито, и сходство между нами было так велико, что на мгновение я подумал: да это мое собственное отражение в

оконном стекле. Один глаз у него скрывала темная повязка, но черты наши были совершенно одинаковы. Он язвительно усмехнулся - о, я помню эту усмешку еще с детства! Я сразу понял, что передо мной тот же человек, который заставил меня бросить родину и навлек позор на мое славное имя. Я открыл дверь и впустил его. Было, должно быть, около десяти часов вечера.

Когда он подошел ближе к свету, я сразу заметил, что ему пришлось несладко. Он шел пешком от Ливерпуля и выглядел больным и усталым. Меня совершенно потрясло выражение его лица. Медицинский опыт говорил мне, что он серьезно болен. Он сильно пил, и лицо было в кровоподтеках - результат драки с матросами. Он носил повязку, чтобы прикрыть подбитый глаз; войдя в комнату, он снял ее. На нем были бушлат и фланелевая рубашка, из разорванных башмаков торчали пальцы. Но бедность сделала его еще более мстительным и жестоким по отношению ко мне. Его ненависть переросла в манию. Он считал, что здесь, в Англии, я катаюсь как сыр в масле, купаюсь в деньгах, в то время, как он подыхает с голоду в Южной Америке. Не могу описать все угрозы и оскорбления, которыми он осыпал меня. Кажется, пьянство и лишения помрачили его рассудок. Он метался по комнате, как дикий зверь, требуя денег, извергая поток грязных ругательств. Я человек вспыльчивый, но, слава Богу, могу сказать, что сохранил хладнокровие и не поднял на него руку. Но мое спокойствие только сильнее распяляло его. Он бушевал, ругался, потрясал кулаками у моего лица. Внезапно черты его исказились, по телу прошла судорога, он схватился за бок и с воплем рухнул к моим ногам. Я поднял его, уложил на диван. Он не отвечал на мои вопросы, а рука, которую я держал, была холодной и влажной. Больное сердце не выдержало; собственная ярость погубила его.

Долгое время я сидел как в забытьи, уставясь на мертвое тело. Я пришел в себя от шума: в дверь колотила миссис Вудз, которую поднял на ноги этот предсмертный крик. Я велел ей отправляться спать. Вскоре в дверь приемной стал стучать какой-то пациент, но я не обратил внимания, кто это был - мужчина или женщина. Пока я сидел, в моем мозгу созрел план. Это произошло почти автоматически - наверное, так и рождаются планы. И когда я встал со стула, мои дальнейшие движения стали чисто механическими, мысль

здесь даже не участвовала. Мною руководил только инстинкт.

С тех пор, как произошли изменения в обстоятельствах моей жизни, о которых я уже упоминал, Бишоп Кроссинг стала мне ненавистна. Мои жизненные планы рухнули, я встретил поспешные суждения и дурное отношение там, где рассчитывал найти поддержку. Правда, опасность скандала, которую я ожидал с приездом брата, теперь исчезла - он был мертв. Но мысль о прошлом вызвала у меня только страдание; я чувствовал, что прежняя жизнь никогда не вернется. Пожалуй, я чрезмерно чувствителен, может статься, я недостаточно думаю о других, но, поверьте, именно такие чувства я испытывал в те минуты. Любая возможность бежать из Бишоп Кроссинг, не видеть больше его обитателей, казалась мне счастьем. И сейчас появился случай, о котором я не смел и мечтать: я мог навсегда порвать с прошлым.

На диване в моей комнате лежал человек, который как две капли воды похож на меня - правда, черты его лица были крупнее и грубее, чем у меня. За исключением этого, нас невозможно было отличить. Никто не видел, как он пришел, и ни один человек не хватится его. Лицо его, как и мое, было гладко выбрито, волосы почти такой же длины, как и у меня. Если поменяться одеждой, то завтра доктора Лана найдут мертвым в его кабинете, и это положит конец всем его несчастьям. В моем распоряжении была достаточная сумма денег, я мог захватить их с собой и попытаться счастья в другом месте. В одежде брата я мог бы за ночь добраться до Ливерпуля, а в таком большом порту нетрудно уехать из Англии. Мои надежды были разбиты, и я предпочел бы самое скромное существование там, где меня никто не знал, той благополучной жизни, которая была у меня в Бишоп Кроссинг. Ведь здесь в любую минуту я мог столкнуться с теми, кого хотел - если бы это было возможно! - поскорее забыть. Итак, я решил воспользоваться обстоятельствами.

Так я и сделал. Не буду углубляться в подробности, ибо воспоминания об этом причиняют мне боль. Через час брат уже лежал одетый, до мельчайших деталей, в мое платье, а я, крадучись, вышел через дверь приемной. Стараясь выбирать исхоженные тропы, я зашагал, прямо через поля, в сторону Ливерпуля. Под утро я достиг цели. Саквояж с деньгами да один портрет -

вот все, что я взял с собой. В спешке я забыл про повязку, которой брат завязывал глаз. Остальные его пожитки я прихватил с собой.

Даю слово, сэр, что никогда, ни на минуту, мне не приходило в голову, что люди могут заподозрить убийство. Не думал я и о том, что кто-то может подвергаться серьезной опасности из-за моего поступка. Напротив, я рассчитывал освободить других от своего присутствия - это было моим главным стремлением. В тот день из Ливерпуля в Корунпу отплывал парусник. Я купил билет на этот рейс, думая, что путешествие даст мне время собраться с мыслями и обдумать планы на будущее. Но до отхода корабля мое решение поко лебалось.

Я подумал, что в мире есть человек, которому я ни за что на свете не должен причинить вреда. В глубине души она будет оплакивать меня, как бы грубы и бестактны ни были ее родные. Ведь она поняла и оценила мотивы, которыми я руководствовался, и если остальные члены семьи осудили меня, то она, по крайней мере, меня не забудет. Поэтому я послал ей письмо, где просил хранить все в тайне. Я пытался избавить ее от лишнего горя. И если под давлением обстоятельств она нарушила клятву, то я понимаю и прощаю ее.

Только вчера ночью я вернулся в Англию. Все это время я ничего не слышал ни о той сенсации, которую вызвала моя так называемая смерть, ни об обвинении, которое предъявили мистеру Артуру Мортону. Только вчера в вечерней газете я прочел отчет о заседании и поспешил приехать с утренним экспрессом, чтобы поскорее установить истину.

Таково было заявление, сделанное доктором Алоизом Лана, которое положило конец судебному разбирательству. Дополнительное расследование подтвердило, что его брат Эрнест Лана действительно приплыл из Южной Америки. Судовой врач засвидетельствовал, что во время путешествия он жаловался на плохое сердце, и симптомы совпадали с признаками болезни, вызвавшей его смерть.

Что касается доктора Алоиза Лана, то он вернулся в ту деревню, из которой столь драматически исчез. Между ним и молодым сквайром было достигнуто полное примирение, последний признал, что совершенно неверно понял причины, которыми руководствовался доктор Лана, разрывая помолвку. О

том, что вскоре последовало и другое примирение, можно судить из заметки, помещенной на видном месте в "Морнинг пост".

"19 сентября состоится венчание, которое совершит преподобный Стефан Джонсон, в приходской церкви Бишоп Кроссинг. Венчаются Алоиз Ксавьер Лана, сын дна Альфреда Лана, бывшего министра иностранных дел Аргентинской республики, и Френсис Мортон, дочь покойного Джеймса Мортонна, мирового судьи, из Лей Холла, Бишоп Кроссинг, графство Ланкашир".